

1

Темнота обступала меня со всех четырех сторон, будто стенки гроба, и нечем было отвлечься от воспоминаний. Стоило мыслям хоть чуть-чуть отклониться в сторону — и вновь, словно из засады, выскакивали яркие видения.

В этой непроглядной черноте мне вспоминалось: раскаленное добела пламя лижет мне лицо. Я туго привязана за руки к столбу, он больно врезается в спину, но все же я пытаюсь отпрянуть. Пламя отодвигается в последний миг: еще чуть-чуть, и по коже пошли бы волдыри, а брови и ресницы и так уже давно сгорели дотла.

— Гаси огонь! — командует грубый мужской голос. Запекшимися губами я дую на языки пламени. Во рту совсем пересохло от страха и жара, даже зубы сделались горячими, словно их прокалили в печи.

— Дубина, — ругается он. — Не ртом. Разумом. Погаси огонь силой мысли.

Закрыв глаза, я пытаюсь сконцентрироваться и укротить адское пламя. Я готова выполнить любое, самое нелепое приказание, лишь бы он прекратил пытку.

— Давай-давай, старайся.

В лицо снова пышет жаром, огонь слепит глаза даже сквозь сомкнутые веки.

— Волосы ей подпали, — советует другой. Этот, судя по голосу, помоложе и поретивее первого. — Сразу придуриваться перестанет. Дай-ка, отец, я сам.

По телу пробегает дрожь отчаянного страха: этот голос мне знаком. Я извиваюсь, пытаюсь ослабить веревки, а мысли уже путаются, сливаясь в невнятный гул в голове. Какой-то вибрирующий звук эхом отдается в горле, становится все громче и громче и наконец заполняет собой все пространство и гасит пламя.

Резкий металлический лязг замка оборвал мои кошмарные воспоминания. Полоска тусклого желтого света острым клином прорезала тьму, а затем, когда тяжелая дверь распахнулась, скользнула вверх по каменной стене. Свет фонаря обжег глаза. Я крепко зажмурилась и вжалась в угол.

— А ну, пошевеливайся, крыса, не то плетей заработаешь!

Два стражника пристегнули цепь к моему металлическому ошейнику и рывком подняли меня на ноги. Я едва не упала. В горле жгло, словно огнем. Когда я кое-как выпрямилась на дрожащих ногах, стражники деловито сковали мне руки цепью за спиной и надели на ноги кандалы.

Пока меня вели по главному коридору подземелья, я старалась не смотреть на мерцающий свет. В лицо веяло отвратительным зловонием. Босые ноги скользили в грязной жиже.

Стражники словно не слышали стонов и злобных воплей других узников — они ни разу не сбились с шага. Зато у меня сердце так и обрывалось при каждом слове.

— Хо-хо-хо... кому-то сегодня болтаться в петле.

— Хрясь! И весь твой обед стекает по ногам!

— Одной крысой меньше. Покормили, и будет.

— Меня! Меня возьмите! Я тоже хочу умереть!

Мы остановились. Через полуприкрытые веки я разглядела лестницу. Сияясь поднять ногу, чтобы преодолеть ступеньку, запуталась в цепях и упала. Страж-

ники поволокли меня наверх. Грубые края каменных ступеней обдирали кожу на голых руках и ногах. Меня протащили сквозь две толстые металлические двери и швырнули на пол. Солнечные лучи ударили прямо в лицо. Я крепко зажмурилась, чувствуя, как катятся по щекам слезы. Впервые за много месяцев я увидела свет дня.

«Вот и всё», — подумала я, чувствуя, как меня охватывает паника. Но мысль о том, что вместе с казнью придет конец жалкому существованию в темнице, даже утешала.

Меня снова рывком подняли на ноги, и я поплелась за стражниками, ничего не видя перед собой. Все тело зудело от блошиных укусов и долгих ночей на грязной соломе. От меня несло крысами. Воды мне давали совсем мало, и тратить эту скудную порцию на умывание я не могла.

Наконец глаза привыкли к свету, и я огляделась. Вокруг были голые стены — ни тебе легендарных золотых канделябров, ни искусно вытканых гобеленов, которые, по рассказам, украшали главные коридоры замка. Холодный каменный пол вытерт подошвами до глянцевого блеска. Должно быть, мы идем по тайным коридорам, где бывают только стражники и слуги. На пути попались два открытых окна, и я бросила туда жадный, изголодавшийся взгляд — этот голод не утолила бы никакая пища.

В глаза ударила ослепительно яркая изумрудная зелень травы. Деревья были одеты листвой. Цветы окаймляли дорожки и свешивались через края вазонов. Запах свежего ветерка напоминал аромат дорогих духов, и я вдохнула его полной грудью. После едкой вони испражнений и немытого тела дышать этим воздухом было все равно что пить изысканное вино. Тепло

ласкало кожу. По сравнению с холодной сыростью темницы оно ощущалось как нежное прикосновение.

Судя по всему, начинались жаркие дни, а значит, я провела в камере пять сезонов — почти целый год. На удивление долгая отсрочка для приговоренной к смертной казни.

Наконец меня, совсем запыхавшуюся и еле передвигающую скованные ноги, втолкнули в какой-то просторный кабинет. Все стены здесь были увешаны картами Территории Иксии и прилегающих к ней земель. На полу тут и там громоздились стопки книг — их скопилось так много, что между ними нужно было еще изловчиться пройти. Комнату освещали свечи — где длинные, где уже почти догоревшие, — и на некоторых бумагах, лежавших слишком близко к огню, виднелись следы подпалин. Весь центр помещения занимал большой деревянный стол, заваленный документами, а вокруг стояло с полдюжины стульев. За другим столом, письменным, у самой дальней стены, сидел человек. Квадратное окошко у него за спиной было открыто, и легкий ветерок развеивал его длинные, до плеч, волосы.

Я вздрогнула так, что цепи загремели. Из перешептываний узников в камерах я знала, что приговоренных к смерти всегда приводят к чиновнику, чтобы перед повешением они сознались в своих преступлениях.

Человек за столом был одет в черные брюки и черную рубашку с двумя вышитыми красными ромбиками на воротнике — форма советника командора. Его бледное лицо ничего не выражало. Но вот он поднял на меня сапфирово-голубые глаза, и они удивленно распахнулись.

Только сейчас подумав о том, как я выгляжу, я взглянула на свою изодранную красную тюремную робу

и грязные босые ноги — загрубевшие, все в желтых мозолях. Сквозь дыры в ветхой ткани просвечивало немытое тело. Длинные черные волосы свисали сальными прядями. Я была вся мокрая от пота и пошатывалась под тяжестью цепей.

— Женщина? Сегодня казнят женщину?

Голос у него был ледяной. При слове «казнят» я задрожала всем телом. Уже вернувшееся было самообладание разом оставило меня. Если бы не стражники, я бы осела на пол и беспомощно разрыдалась. Но при конвоирах нельзя выказывать ни малейшей слабости — хуже будет.

Человек накручивал на палец черные кольца кудрей.

— Напрасно я не удосужился перечитать твое досье. — Он махнул рукой стражникам: — Свободны.

Когда они вышли, он показал мне на стул у его стола. Я примостилась на краешке, вновь громыхнув цепями.

Советник раскрыл папку и бегло скользнул глазами по страницам.

— Пожалуй, Элена, сегодня у тебя счастливый день, — сказал он.

Я заставила себя проглотить ехидный ответ. Это был один из главных уроков, усвоенных за время заточения в темнице: не огрызаться. И я склонила голову, избегая встречаться взглядом с чиновником.

Тот помолчал.

— Вести себя умеешь, держишься почтительно. Да, кажется, ты вполне подходящая кандидатура.

При всем беспорядке, что царил в кабинете, стол выглядел аккуратно. Он был почти пуст: только папка с моим досье, кое-какие письменные принадлежности да еще две маленькие черные статуэтки, кое-где поблескивающие серебром, — леопарды, сделанные удивительно искусно, совсем как живые.

— Суд рассмотрел твоё дело и признал тебя виновной в убийстве единственного сына генерала Брейзела, Рейяда. — Он помолчал и потер пальцами висок. — Теперь ясно, зачем Брейзел провёл здесь всю неделю и почему его так интересовало, когда состоится очередная казнь.

Он говорил не столько со мной, сколько сам с собой.

При имени Брейзела у меня засосало под ложечкой. Я постаралась успокоиться, напомнив себе, что ещё немного, и я стану для него навеки недосягаема.

Всего одно поколение успело смениться с тех пор, как власть на Территории Иксии перешла в руки военных, однако новое правительство уже породило суровый свод законов под названием Кодекс поведения. В мирное время (а оно при военных, как ни странно, почти всегда оставалось мирным) отнимать человеческую жизнь не дозволялось никому. За убийство полагалась смертная казнь. Ни самозащита, ни отсутствие преднамеренности не могли служить оправданием. После того как убийцу признавали виновным, его отправляли в темницу командора — ожидать публичной казни через повешение.

— Полагаю, ты хочешь оспорить приговор. Скажешь, что тебя оговорили или что это была самозащита. — Он откинулся на спинку стула в устало-терпеливом ожидании.

— Нет, господин, — прошептала я: громче говорить не позволяли ослабевшие за время молчания связки. — Я и правда его убила.

Человек в черном выпрямился, бросил на меня суровый взгляд. Затем рассмеялся вслух.

— Пожалуй, все складывается даже лучше, чем я рассчитывал. Елена, я предлагаю тебе выбор. Либо тебя казнят, либо ты становишься новым дегустатором

командора Амброуза. Прежний дегустатор недавно умер, и мы ищем замену.

Я уставилась на него, открыв рот. Сердце так и прыгало в груди. Должно быть, он шутит. Наверное, просто развлекается. Отличный случай повеселиться: увидеть, как лицо узника загорится радостной надеждой, а затем растоптать эту надежду и отправить приговоренного на виселицу.

Я решила подыграть ему.

— Только идиотка откажется от такого предложения. — На этот раз мой хриплый голос прозвучал чуть громче.

— Имей в виду, должность пожизненная. Подготовка предполагает смертельный риск. Ведь как ты заметишь яд в еде командора, если не будешь знать, каков он на вкус? — Он сложил бумаги в папке аккуратной стопочкой. — Тебе отведут в замке комнату для сна, но бо́льшую часть дня ты будешь находиться при командоре. Никаких выходных. Никаких мужей и детей. Некоторые узники предпочитают казнь такой жизни. Тут хотя бы точно знаешь, когда умрешь, и не нужно то и дело гадать, не окажется ли смертельным следующий глоток. — Он щелкнул зубами с хищной ухмылкой на лице.

Советник не шутил. Я задрожала всем телом. Шанс на спасение! Лучше служить командору, чем гнить в подземелье и уж тем более — чем болтаться в петле. Но меня тревожили сомнения. Я ведь осужденная убийца, как же они решатся доверить преступнице такую должность? Что помешает мне убить командора и сбежать?

— А кто сейчас пробует еду командора? — спросила я, умолчав о своих сомнениях, не то советник, чего доброго, осознает свою ошибку и отправит меня на виселицу.

— Я. Поэтому мне и не терпится найти замену. Да и Кодекс поведения требует предложить эту должность приговоренному к смерти.

Не в силах больше усидеть на месте, я встала и начала мерить шагами кабинет, волоча за собой цепи. Карты на стенах изображали стратегические позиции. Книги, судя по заглавиям на корешках, были посвящены вопросам безопасности и методам шпионажа. Судя по тому, сколько в кабинете было оплывших свечей, кто-то явно засиживался здесь за работой до глубокой ночи.

Я оглянулась на человека в форме советника. Это наверняка Вэлек, начальник личной охраны командора и глава обширной разведывательной службы Территории Иксии.

— Так что же мне сказать палачу? — спросил Вэлек.

— Что я не идиотка.

2

Вэлек захлопнул папку. Затем направился к двери — легкой, грациозной поступью барса, идущего по тонкому льду. Как только дверь открылась, стражники, ожидавшие в коридоре, вытянулись по струнке. Вэлек что-то сказал им, и они кивнули. Один из стражников шагнул ко мне. Я глядела на него в недоумении: Вэлек не упомянул о том, что мне придется возвращаться в темницу. Может, удастся сбежать? Я быстро оглядела помещение. Стражник развернул меня спиной к себе и снял кандалы и цепи, в которые я была закована с самого дня ареста.

На запястьях остались красные полоски стертой до мяса кожи. Я потрогала шею там, где был металлический ошейник. Пальцы сразу стали липкими от крови. Я ухватилась за спинку стула. Теперь, когда я освободилась от тяжелых цепей, с непривычки казалось, что я либо вот-вот взлечу, либо упаду в обморок. Я стала делать глубокие вдохи, ожидая, когда слабость пройдет.

Вновь овладев собой, я заметила, что Вэлек уже стоит у письменного стола и наполняет из бутылки два кубка. За открытой дверцей деревянного шкафа виднелись ряды флаконов и разноцветных склянок самых причудливых форм. Вэлек поставил бутылку обратно в шкаф и запер дверцу.

— Думаю, тебе стоит выпить, пока мы ждем Мардж. — Он протянул мне высокий оловянный ку-

бок с янтарной жидкостью. Затем поднял свой кубок и произнес тост: — За Элену, нашего нового дегустатора. Пусть тебе удастся продержаться дольше твоего предшественника.

Моя рука с кубком замерла в воздухе у самых губ.

— Успокойся, — сказал он. — Это традиционное пожелание.

Я сделала большой глоток. Мягкий напиток слегка щипал горло. На миг я испугалась, как бы желудок не взбунтовался. Прежде я не пила ничего, кроме воды. Но вскоре все прошло.

Не успела я спросить, что же все-таки случилось с предыдущим дегустатором, как Вэлк велел мне перечислить составляющие напитка. Я сделала еще один глоток, поменьше, и ответила:

— Персики с медом.

— Хорошо. Попробуй еще раз. Только теперь не глотай сразу, а покатай на языке.

Я исполнила указание и с удивлением ощутила легкий цитрусовый привкус.

— Апельсин?

— Верно. А теперь прополощи питьем горло.

— Прополоскать? — переспросила я.

Он кивнул. Чувствуя себя ужасно глупо, я все-таки побулькала в горле остатками напитка и тут же едва не выплюнула.

— Гнилые апельсины!

Вэлк рассмеялся, и вокруг глаз у него разбежались морщинки. У него было жесткое угловатое лицо, словно отчеканенное из листа металла, но от улыбки оно смягчилось. Он протянул мне свой кубок и попросил повторить эксперимент.

С некоторой опаской я сделала глоток и вновь почувствовала слабый оттенок апельсина. Приготовившись